

А.И. Саввинов

DOI: 10.25693/SVGV.2020.33.4.005
УДК 39(=512.157)(571.61/62)

Приамурские якуты в материалах Петра Шимкевича¹: к истории формирования этнотерриториальных групп в Приамурье

Статья посвящена деятельности одного из известных исследователей культуры, религии и быта аборигенов Дальнего Востока конца XIX века П.П. Шимкевича. Его труды как незаурядного исследователя, этнографа, собирателя посвящены малоисследованной области изучения коренного населения дальневосточного региона. Его перу принадлежит также обстоятельное изучение быта и экономического положения якутов, обитавших в Приамурском крае. П.П. Шимкевичем впервые были собраны наиболее подробные сведения об их расселении, о роли и значении якутской торговли в этом крае. Ему удалось ознакомиться с деятельностью якутских купцов, изучить якутский рынок, оценить состояние и особенности его развития. В своей статье Шимкевич писал также о благотворительной и просветительской деятельности якутских торговцев, которые приложили немало усилий

¹Шимкевич Петр Поликарпович (1862–1920) – известный исследователь народов Дальнего Востока, член Приамурского отдела ИРГО, этнограф, путешественник, собиратель, фотограф. Служил чиновником особых поручений при Приамурском генерал-губернаторе. Автор ряда трудов по этнографии, религии, экономическому положению аборигенов Приамурья, Уссурийского края и Забайкалья. Как исследователь и собиратель П.П. Шимкевич внес весомый вклад в пополнение музейных собраний богатейшими этнографическими, зоологическими и фотографическими коллекциями.

в деле просвещения местных инородцев. Немаловажным результатом его экспедиционной деятельности являются музейная коллекция якутских предметов, собранных им среди якутов, расселенных в районе бассейна рек Буреи и Нимана, а также серия фотоснимков. В целом материалы исследований П.П. Шимкевича, содержащие ценные сведения о якутской торговой экспансии и территориальном освоении ими северных окраин Приамурья, несомненно, имеют важное значение для изучения истории расселения и формирования этнотерриториальных групп якутов. Некоторые вопросы, затронутые исследователем относительно сохранения коренного населения, созвучны с современными актуальными проблемами малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: якуты, субэтнические группы, этнокультурное пограничье, Приамурский край, П.П. Шимкевич, якутские купцы, пушная торговля, экспедиция, музейное собирательство, полевые материалы

Азиатская Россия во второй половине XIX в. оставалась во многом еще отсталой окраиной империи, где освоение новых территорий и открытие природных богатств имели как никогда особое значение. Учрежденное в 1884 г. Приамурское генерал-губернаторство являлось важным форпостом административных территорий восточных рубежей. Тем не менее северные владения губернаторства в территориальном, географическом, промышленном и экономическом плане были все еще малоизведанной территорией.

Якутию с Приамурским краем связывает давняя история, уходящая своими корнями в эпоху открытий дальневосточных территорий. До настоящего времени якутская история Приамурья остается одной из малоизвестных страниц прошлого края, хранящих немало ярких свидетельств об освоении приамурских окраин, расселении и межэтнических контактах аборигенного населения. Северная окраина территории издавна была известна как район расселения якутского народа. Во второй половине XIX века, как показывают данные исследователей края, на карте Приамурья расселение якутов представляло собой довольно значительный ареал, занимающий северные районы территории, немалая их часть проникала в глубь края. Они отмечались во многих местах: на реке Зея, в среднем течении Селемджи, по р. Бурея, в верховье Нимана, в бассейне Амгуни и Уды, в низовье Амура, по его притокам Кур, Урми, Бира др.

В 1893 году П.П. Шимкевич, прибыв в Дальневосточный край по приглашению генерал-губернатора А. Корфа, начинает службу в качестве чиновника особых поручений в администрации Приамурского генерал-губернаторства. Он активно включается в разностороннюю общественную и научную деятельность по изучению края: становится одним из инициаторов создания Приамурского отдела ИРГО, участником различных исследовательских экспедиций по краю. Молодой, европейски образованный (владел тремя иностранными языками) чиновник особых поручений вскоре поднимается до чина титулярного советника. По линии службы он посещает Южно-Уссурийский край и Забайкальскую область, во время которых занимается сбором статистических данных, материалов по изучению земельных вопросов, экономического положения населения этих территорий. Безусловно, эти служебные поездки дали ему возможность ближе познакомиться с краем, изучить состояние и перспективы его развития. Судя по всему, именно в результате этих поездок у него зародился интерес к изучению аборигенного населения.

Поездка в район Буреи и Нимана была предпринята по поручению администрации Приамурского генерал-губернатора, особый интерес с ее стороны к северным владениям был вызван прежде всего тем, что Буреинский горный округ, известный как золотопромышленная территория, в административном и экономическом плане изучения народонаселения все еще оставался недостаточно исследованным².

²Следует отметить, что его предшественником по изучению населения бассейна рек Буреи и Амгуни был кн. К.Н. Дадешкелиани, также служивший при администрации Приамурского генерал-губернаторства. Ему принадлежит первое подробное описание данной территории, ее обитателей, их быта и занятий, где были затронуты вопросы их экономического и культурного положения. Его экспедиция состоялась в 1887 г., т.е. семью годами ранее экспедиции Шимкевича. Он, пожалуй, первым обратил внимание на деятельность якутских торговцев, приводил о них некоторые ценные сведения.

Шимкевичу были вменены обязанности по сбору новых материалов, касающихся административных и территориальных особенностей района, также было поручено обследовать современное положение кочевых инородцев, их экономическое и материальное состояние. К экспедиции он готовился тщательно, были составлены специальные анкеты с тематическими разделами по изучению вопросов административного и экономического характера, в них были также разделы по сбору материалов этнографического плана, касающихся быта и хозяйственных занятий, семейных отношений и обычаев.

По результатам экспедиции Шимкевич выступает с докладом на заседании ПОИРГО, публикует статью, сначала в «Приамурских ведомостях», затем ее сокращенный вариант в «Якутских областных ведомостях» [Шимкевич, 1895]. В своей статье он затрагивает многие вопросы, касающиеся территории, населенных пунктов, влияния золотопромышленности на быт инородцев, приводит сведения о численности, расселении и административной принадлежности тунгусов и якутов. Значительную часть статьи занимают сведения о якутских торговцах, устраиваемых ими ярмарках, о маршрутах торговых путей и т.д. Как он пишет, тунгусы бассейнов Буреи, Селемджи, Зеи, Уды, Тугура и Амгуни в административном отношении принадлежат к якутскому ведомству, а именно к Бытальскому³, 1, 2 и 3-му Эжанскому, семи Кангаласким: (Канагирскому, Беллетскому, Боягирскому и Бытальскому) родам. Представители Эжанского, Бэтненского, Дылагирского (Лалигирского), Шерского, Бытальского родов издавна считались плательщиками ясака Удскому округу, который также относился к Якутской области. Тунгусов в бассейне Буреи насчитывалось более тысячи. Тот факт, что местные тунгусские роды являются выходцами из Якутского

края, неоднократно отмечали и другие исследователи [Миддендорф, Дадешкелиани, Грум-Гржимайло и др.]. По приблизительным данным Дадешкелиани, всего в области тунгусов, перекочевавших из Якутского края, насчитывалось до 3,5 тыс. [Дадешкелиани, 1888, с. 270]. Как отмечает Шимкевич, тунгусы и якуты, относящиеся как и прежде к Якутскому ведомству, но теперь перекочевавшие на новые территории и уплачивающие ясак якутским старостам, не имели понятия о территориальном разделении областей и считали себя одинаково полноправными как в Якутской, так и в Амурской и Приморской областях [Шимкевич, 1895]⁴. Отдельные тунгусы, принадлежащие к Усть-Майскому и Кангаласскому улусам якутского ведомства и Бытальскому (Бута) роду Удского ведомства, обитали в районе среднего течения Амура, поддерживая торговые отношения с местными казаками. Их численность равнялась приблизительно 140 юртам и 800 душам [Там же, с. 12].

О якутах, встреченных им в Буреинской тайге, Шимкевич дает следующие сведения: их численность – 500 душ обоего пола, составляющих 60 семейств, они принадлежат к наслегам управ Восточно-Кангаласской, Западно-Кангаласской, а также Вилуйского и Ботурусского улусов⁵. Приводится список этих наслегов. Судя по всему, находящиеся здесь якуты были разных категорий, прежде всего это обитавшие с давних времен среди тунгусского населения, в основном занятые охотничьим промыслом. По роду их занятий Шимкевич называет их оленными якутами, якутами-охотниками. Он пишет, что в охотничьем быту якут, в отличие от тунгуса, является промышленником-хозяином, т.е. собственником, имея у себя в работниках обедневших тунгусов-охотников. Отдельную группу составляли выходцы из Якутии, постоянно

³Здесь отдельные названия родов, местностей даны как указано в источнике.

⁴Данный вопрос поднимался после визита территории Шимкевича, было направлено письмо к Иркутскому генерал-губернатору А.Д. Горемыкину с просьбой о принятии мер по уплате ясака и административном упорядочивании местных инородцев. К письму приложен список управ, ночлегов, родов якутов и тунгусов Якутского ведомства, кочующих в Амурской области, где значатся названия 12 тунгусских родов, двух управ, двух улусов и 27 якутских наслегов [ОГУ ГАИО, ф. 25, оп.10, ед.хр. 1991].

⁵По данным переписи 1897 г. в Амурской области насчитывалось 340 якутов (245 м. и 95 ж.), проживающих в округности Ниманских приисков – 319 лиц (319 м. и 86 ж.), почти столько же, сколько было местных тунгусов [Майнов, 2012, с. 349].

жившие и нанятые на подрядные работы, служившие посредниками между купцами и охотниками. Особым сословием были улусные купцы, которые держали в руках все торговые отношения с кочевым населением, скупку пушнины, устройство ярмарок и т.д. Их можно было делить на постоянных и временных, первые большей частью жили оседло и занимались непосредственно торговлей и сбором пушнины круглогодично. А другие, более состоятельные, приезжали лишь на время ярмарок и торговых сделок.

Якуты наиболее компактно были заселены по системе Буреи, где жили смешанно с тунгусами, Шимкевич пишет: «Вследствие близкого соседства и постоянных совместных перекочевков якутов и тунгусов началось смешение этих двух народностей, и в настоящее время зачастую можно встретить у якута жену-тунгуску и наоборот». Далее он отмечает: «Якуты, поддерживающие постоянно сношение с Якутском и этим сохраняющие свои бытовые черты, распространили свое влияние и на дикарей тунгузов, которые забыли многое из своих обычаев... Совместное распространение тунгузов и якутов ограничивается бассейном Буреи» [Шимкевич, 1895, с. 6]. Следующим местом, где ему попадались якуты отдельными семьями в виде торговцев и проводников, был район Зеи. В верховьях Зеи уже несколько лет оседло жили братья Колесовы в своих добротных домах с пристройками, они начали расчистку леса под распашку.

Во второй половине XIX в. оседлое расселение якутов было отмечено во многих местах. В основном это были состоятельные якуты, поселившиеся в Нимано-Буреинском районе, которые занимались мелкой торговлей. В поселении Стойба на Селемдже проживал якутский старшина Ф. Заболоцкий. Другой инородческий старшина проживал в поселке Чекунда, здесь также была торговая вотчина купца Захарова. Оседлое якутско-негидальское поселение в Бурукане состояло из нескольких якутских юрт. Жили они и в другом селении Люнкодо среди негидальцев. Также они жили совместно с эвенками в с. Манги. В стойбище Гуга в устье р. Хосман жил состоятельный якут Кандинский, на оз. Орель в местности Кульча жил богатый якут Афанасьев. Кроме того, по данным Шимкевича, некоторые якуты, как и тунгусы, встре-

чались в более южных частях территории среднего течения Амура, начиная от поселка Пашково. Шимкевич упоминал, что эти инородцы потеряли оленей, кочуют на лошадях или на лодках. Посещают ярмарки, проводимые по Биджану и Бире. Около Пашково он встретил семью обедневшего якута, выразившего желание перейти в оседлость и причислиться к казачьему сословию [Там же, с. 12].

Следующий вопрос, который затрагивал Шимкевич, – золотопромышленность и инородцы. Рассматривая роль золотоискательских приисков в жизни обитателей тайги, он отмечает как положительные, так и губительные стороны их влияния на них. Как он пишет, администрация компании разрешала инородцам брать подряды на временные работы, тем самым давала им хорошую материальную поддержку. Такая подработка для инородцев особенно в летнее, вне охотничьего сезона время приносила им хороший доход. Например, работавшие с 15 мая до 15 сентября на старательских работах 65 семей инородцев получали каждая по 600 рублей. Однако значительная часть этих подработок уходила на уплату долгов якутским купцам. Кроме старательских работ, они имели значительный доход от подрядов Ниманской золотопромышленной компании: перевозка груза, доставка сена, дров и т.д. Также инородцы имели определенные заработки от гоньбы почты, поставки и проката вьючных оленей, от работ в поисковых партиях в качестве проводников и т.д. Кроме того, администрация приисков разрешила инородцам, находящимся вблизи, отовариваться на складах необходимыми им товарами. Однако инородцы, до недавнего времени не знавшие понятие о деньгах, а теперь получая большие заработки, не умели пользоваться ими, и они не пошли им впрок. Шимкевич пишет, что промышленность не только отрывает инородцев от их исконных занятий и обычаев, но и является причиной таких развращающих их явлений, как пьянство и азартная картежная игра, особенно среди молодых людей. Он пишет: «Прииска – служит одним из главных центров разложения инородцев, здесь инородец не только имеет столкновения с испорченным человеком, но, имея более легкий способ наживы, чем хождение по тайге, он сам, бросая свой кочевой образ жизни, работает на приисках в виде золо-

тичника или старателя» [Шимкевич, 1894, с. 12]. Такая картина среди инородческого населения стала наблюдаться с 1870-х гг. с появлением на Нимане золотостарательских приисков.

Петр Шимкевич был исследователем, глубоко вникавшим в инородческую проблему, его волновали многие вопросы выживания инородцев. Вот что он пишет: «...трудно сказать, какие мероприятия были бы целесообразными для сохранения означенных племен от вымирания, для упорядочения их быта, сохранения пушного промысла и установления определенных отношений к России, которой инородец очень нужен как знающий во всех деталях тайгу и ее условия и извлекающий из нее немалую пользу...» [Там же, 12]. Следует отметить, что многие вопросы, затронутые исследователем, в частности, взаимоотношения промышленности и коренного населения в местах их компактного проживания до сих пор сохраняют свою актуальность.

О якутской торговле

Шимкевич не мог не затронуть якутскую торговлю, к которой местная власть имела немало вопросов, хотя она играла весьма существенную экономическую роль в жизни инородцев. Пушной промысел в амурской тайге, как известно, имевший давнюю историю, был одной из причин продвижения якутов и освоения ими данных территорий. А.Ф. Миддендорф в свое время (в 1844 г.), подсчитал до 26 якутоторговцев, разъезжающих по обе стороны Зеинского и Буреинского хребтов, некоторые из них тогда уже оседло жили на Инкане и Нимане. Почти все основные сделки, связанные со закупкой пушнины, находились в руках якутских купцов. Устраиваемые ежегодно якутскими купцами торговые ярмарки охватывали огромную территорию, растянувшуюся несколькими сотнями километров от Селемджи до Биры, от Чекунды до Тугура и Ореля. Сеть тунгусских

торжков была достаточно обширной, исконными местами которых были Чекунда на Бурее, Инкан на Селемдже, Умальта (приток Буреи), Котон в среднем течении р. Бира, м. Кульча на оз. Орель, Бурукан в верховьях Тугура, Гуга на Амгуни, Сулук, Урмин, Бира и др.

Дорога в амурскую тайгу была не только дальней и длительной, но и весьма трудной, порой рискованной. Поездки длились несколько месяцев, нередко затягивались до полугода. Подводы якутских торговцев уходили ранней весной и возвращались только поздней осенью. За это время они должны были побывать на двух-трех «больджарах» (тунгусских ярмарках), объездить дальние стойбища кочевников, произвестить необходимую закупку пушнины, собирать долги и заключить новые сделки. Путь якутских торговцев пролегал через таежные дебри, горные перевалы и заснеженные ущелья, особенно тяжело было передвигаться в зимнее время по глубокому снегу с частыми переходами вброд незамерзающих горных рек. Бывало, торговцы не доезжали до назначенных мест из-за тяжелых испытаний в пути, несчастных случаев, потери оленей и лошадей. Шимкевич пишет о трудностях передвижения по скотогонным тропам, которые проходили через перевалы с крутыми подъемами и спусками с высоких гольцов, где валялось много скелетов, туш скота и лошадей, павших от трудностей перехода. Дальние поездки во многом зависели не только от опыта и должной подготовки, но также от благополучия и удачи в пути⁶.

Путь якутских торговцев имел следующий основной маршрут: из Якутска пролегал через Амгинскую слободу на р. Алдан, отсюда по вычному тракту они добивались до Учюра. Далее от Учюра через Ходонжинское собрание выходили на р. Уда, переправившись на р. Толума, попадали на Селемджу. Дальнейший путь лежал по ее притокам Селиткан, Харга, далее

⁶С этой целью путники совершали определенные обряды, обращенные к духам природы и местностей. А.Ф. Миддендорфом во время экспедиционного путешествия из Якутска на Амур были сделаны весьма интересные записи благословений у якутских проводников, посвященных духам дорог, горных перевалов, таежных рек, байанаю – духу-покровителю охоты. Обряды состояли из молитвенных речей, гаданий на судьбу с помощью деревянной ложки (туорэх бырабы), угощения духов саламатом. Якуты, обращаясь с особым почтением к духам рек Керби и Бурей, просили ниспослать им удачу в пути, благополучия во время поездки. (Примечание: Керби – горная река, приток Нимелена, Бурей – приток Амура, протекающие в системе Буреинского хребта на территории Хабаровского края и Амурской области).

Акишма – правый приток Нимана. Весь этот путь из Якутска до Ниманского собрания составлял приблизительно 1.940 верст [Дадешкелиани, с. 263]. Свой маршрут якутские торговцы выстраивали следующим образом: сначала посещали Учурскую ярмарку, устраиваемую в декабре, затем их путь охватывал другие торжки: в урочище Бурукан на Тугуре, проводимом во второй половине января, в конце февраля купцы стремились на Сулук в верховье Амгуни, на не менее известное место сбора инородцев. Путешествие якутских торговцев по тайге завершалось на Ниманской ярмарке и в устье Умальты, отсюда торговцы по последнему санному пути возвращались домой. Пушной товар ниманских купцов выставлялся на Якутской ярмарке, устраиваемой в июне.

Шимкевич насчитывал до 60 якутских купцов, более трети которых имели оседлость на Нимане. Он приводит список 17 наиболее состоятельных ниманских якутов-торговцев, ведущих активную торговую деятельность с местным населением. Среди них упоминает следующие известные имена:

1. «Тимофей Павлов, имеет дом на Ниманском собрании, ходит на Сулук, Урмин, Хабаровск, Биру и Бурею; в Якутскую область не ездит, занимается перепродажей пушнины;

2. Божидонов Михаил⁷, пригоняет на Собрание до 400 оленей, на которых привозит до 500 пудов скотского масла и жиру;

3. Афанасий Жарков⁸, якут, окончивший гимназию, золотопромышленник, имеет дом на Собрании, ежегодно более 10 лет ездит в Якутск за маслом, пригоняет до 500 оленей и провозит более 400 пудов масла и муки;

4. Афанасий Лепчиков⁹, имеет дом, торгует только на ярмарке, пригоняет до 150 оленей с 300 пудами масла. Лепчиков – один из самых богатых якутов, в последние годы редко приезжает на ярмарку, за благотворительность награжден шестью медалями» [Шимкевич, 1895, с. 8].

Из данного списка видно, что основными поставщиками якутских товаров были торговцы из Восточного, Западно-Кангаласского и Ботурусского улусов. Видимо, это было связано с тем, что именно в этих улусах инородческая торговля получила наиболее раннее развитие, как известно, отсюда вышло немало известных якутских купцов и торговцев. Это во многом было связано с удачным расположением улусов: близостью к Якутску – главному торговому городу края, здесь по территории проходили Охотский и Аянский тракты [Захаров, 2001, с. 62]. Не случайно именно здесь появилась яркая когорта местных купцов, сыгравших существенную роль в развитии якутского торгового предпринимательства.

Главным местом, где была сосредоточена значительная часть оседлых якутов, было Ниманское инородческое Собрание, находившееся в районе верховья р. Ниман и правого притока Буреи. Это была своего рода резиденция якутских торговцев, место ежегодных оживленных сугланов, представляло собой также крупное оседлое поселение якутов. Поселение состояло из добротных срубов с дворовыми постройками, якутских юрт и амбаров, часовни, кладбища. Поселение имело весьма удобное месторасположение, отсюда шли торговые выючные тропы на север и восток, здесь был проложен

⁷Божедонов Михаил Ионович – старшина I Тыльминского наслега (1868–1872 гг.). В 1885–1890 гг. был старостой, затем – улусным головой, возглавлял суды словесной расправы якутов I и II степени [Захаров, 2001, с. 71].

⁸Жирков Афанасий Никитович – уроженец Багарадского наслега Западно-Кангаласского улуса, окончил мужскую прогимназию в Якутске. Известный якутский торговец пушшиной, золотопромышленник, участник и представитель золотопромышленных компаний (1889–1914), владел несколькими золотодобывающими приисками в районе рек Бом и Зея, а также Селемджа, и Ниман Буреинского горного округа. Представитель «Якутского золотопромышленного т-ва». А.Н. Жирков был известным меценатом, открыл и содержал первую школу в Приамурье для детей якутов и эвенков. При его поддержке дети дальше обучались в гимназиях и других учебных заведениях г. Благовещенска. Владел собственным домом в Благовещенске.

⁹Лепчиков Филипп Иванович (1810–1894) и его сыновья Прокопий Филиппович (1840–1906), Иван Филиппович (1844–1885), Афанасий Филиппович (1945–?) – представители известной династии купцов-торговцев, почетные инородцы Восточно-Кангаласского улуса, занимали выборные должности в наслегах и улусе, известные меценаты, члены благотворительных обществ. Занимались пушной торговлей и устройством ярмарок в Амурской и Приморской областях.

приисковский тракт, уходящий на Амур. По свидетельству Шимкевича, здесь имели оседлость более трети из 60 якутов-торговцев. Местность называлась Чонхой по одноименному небольшому ключу, протекающему рядом. В 30 верстах отсюда находились Ниманские золотые прииски.

Шимкевич дает поселению следующее описание: «Собрание представляет из себя небольшое селение в 20 дворов с церковью и кладбищем, разбросанное по берегу Нимана и ключам на протяжении нескольких верст. От Софийского прииска Ниманской компании собрание находится в 40 верстах и к нему ведет вьючная тропа, доступная для лошадей. Первые дома якутов-торговцев попадают около ключа Чонхой в 30 верстах от прииска; здесь находятся дома Герасима Заволжского, Павлова, Жаркова и Алексеева. Пройдя вниз по Ниману около 6 верст, встречаются дома Якова Трофимова, Григория Егорова, Петра Трофимова, Василия Уваровского, Семена Исакова, Павла Никифорова и Алексея Крылова, около которого, не более как в ста сажнях, находится на болоте церковь, построенная лет десять тому назад якутом Павловым, но после пожара возобновленная и в настоящее время находящаяся на иждивении якута старосты Ниманского инородческого собрания Егора Чудинова, дома которого находятся в версте ниже церкви; около Чудинова сгруппировались якуты Прокопий Мартынов, Михаил Божидонов и вдова Евдокия Пахомова. Летом дома пустуют, так как часть купцов уезжает в Якутск за товарами, а другие заняты старательскими работами и исполнениями подрядов» [Шимкевич, 1895, с. 5]. Как видно из описания, поселение якутов располагалось хотя и на одной территории, но дома стояли друг от друга в некотором расстоянии. Ниманское поселение якутов было одним из старинных оседлых мест, еще в 1844 г. его обнаружил Миддендорф во время своих путешествий.

Ниманское инородческое собрание было широко известно своей многолюдной ярмаркой. Судя по тому, что оно еще в бытность Миддендорфа было отмечено как место оживленной торговли инородцев, вокруг которого сосредоточено оседлое население, нетрудно предположить, что ярмарка здесь проводилась с очень давних времен. Кроме того, Ниманское собрание было своего рода административным цен-

тром для окрестных инородцев, здесь производили уплату ясака, в местной часовне совершались их религиозные требы.

Важным направлением деятельности якутских торговцев, безусловно, был пушной промысел, издавна широко известный в этих местах. Как отметил Шимкевич, основными поставщиками и закупщиками товаров, кроме 16 крупных торговцев, постоянно живущих на Нимане, были и временно наезжающие на ярмарку местные инородческие старосты и старшины. Вся «развозная» торговля на Нимане была в руках якутских торговцев. Шимкевич приводит перечень основных товаров якутских купцов, привозимых на продажу. В то время ассортимент их товара был достаточно определенным, в основном ограничивались сугубо якутскими товарами, хотя в более ранние периоды якуты возили и винтовки, порох, свинец, и необходимые продукты: муку, чай, сахар, спирт, табак, свечи и др. Важным «живым» товаром были домашние олени. Как пишет Шимкевич, якуты пригоняли от 80 до 500 голов стада оленей. Благодаря якутским оленям обнищавшие местные тунгусы могли поддержать свои хозяйства и спасались от голода. Иногда пригоняли лошадей для нужд прииска в качестве гужевого транспорта или на забой. Специфическим и весьма доходным товаром якутских торговцев было скотское (сливочное) масло, которое пользовалось большим спросом. Его всегда завозили в большом объеме, каждый торговец сбывал не менее 100, а некоторые до 500 пудов, по современным меркам это несколько десятков тонн. Весьма популярным дорогим товаром были кустарные железные изделия: ружья, медвежьи рога, пшени, пальмы, топоры, ножи, котлы, сковороды, которые пользовались большим спросом в хозяйстве кочевников. Кроме того, якуты возили различные серебряные изделия: пояса, нагрудные подвески, серьги, кольца. Нередко якуты награждали инородческих старост якутскими наборными поясами, нагрудными крестами в качестве знака почетного титула.

Торговый оборот Ниманской ярмарки никогда не падал ниже 70–82 тыс. руб. Главным товаром, получаемым якутскими торговцами, безусловно, был соболь (*саарба*). Следует отметить, что бурейнский соболь по качеству меха всегда славился, его цена достигала 20 руб. и более.

Например, только за 1887–1899 гг. на ярмарке было продано 2627 шкурок на сумму 45047 руб. [Грум-Гржимайло, 1894, с. 615]. Пушной товар, вывезенный из амурской тайги, пользовался большим спросом и раскупался на якутской ярмарке, затем через пушной аукцион в Иркутске попадал в Европейскую Россию под названием «якутского сырья» (якутский соболь, якутская белка и пр.) [Дадешкелиани, 1888, с. 285]. Якутские купцы были неоднократными участниками различных российских торгово-промышленных выставок, где «якутский» мех непременно пользовался успехом.

Шимкевич для примера приводит сведения местной ярмарки за 1887 год, в которой участвовал 31 купец. В таблице показано, что на ярмарку привезено товара всего на сумму 28606 руб., которого продали за 34314 руб. Как видно из таблицы, успешно реализованы скотское (сливочное) масло и домашний олень. Привезено 550 пудов масла по цене 11,42 руб. за пуд, а продано по цене 19 руб. за пуд всего на сумму 6280 руб. За весь проданный товар выручили 10457 руб., прибыль составила 4177 руб. Шимкевич указывает, что во время посещения им Собрания себестоимость пуда масла составляла уже 22 руб. Оленей на продажу было привезено 1086 голов по цене 18 руб. за каждого, всего на сумму 20157 руб. Из них продали всего 684 голов по 27 руб. за каждого, всего на сумму 18431 руб. В итоге от продажи оленей прибыли не имели. Шимкевич также отмечает заметное подорожание себестоимости оленей. Например, вьючный олень стоил уже от 35 до 50 руб., а ездовой – от 100 до 125 руб. [Шимкевич, 1895, с. 9]. Также он пишет, что в той ярмарке участвовало сто семейств инородцев, которые остались должны (с долгами прежних лет) купцам до 132000 рублей. Пушнины было доставлено и продано всего на сумму 50575 р. 10 к.

Торговля с тунгусами имела исключительно меновой характер, инородцы товары брали в долг, расплачивались пушниной. Каждый тор-

говец вел свое дело самостоятельно, имел свой круг промысловиков-тунгусов, с которыми заключал договор. Тунгусы попадали в долговую зависимость от якутских торговцев. Они практически никогда не выходили из долгов. Как писал в свое время Дадешкелиани, в обозреваемой тайге нет тунгусской юрты, которая не должна тому или иному якутскому торговцу от 100 до 600 рублей [Дадешкелиани, 1888, с. 280]. Шимкевич пишет, что торговцы-якуты жаловались ему на то, что тунгусы за отсутствием средств выплачивали долги очень медленно, только благодаря работе на приисках Ниманской компании и значительных подрядов уплата долгов несколько продвигается вперед, причем долги тунгусов якутским купцам остались в пределах 90000 рублей [Шимкевич, 1895, с. 6].

Якутская коллекция¹⁰

Одним из важных результатов приамурской экспедиции Шимкевича была собранная им этнографическая коллекция. Ему как члену Приамурского отдела ИРГО было поручено собирать инородческие предметы для создаваемого при обществе этнографического музея. Шимкевичем было собрано более ста якутских, эвенкийских и негидальских предметов, из них якутских – 68, общей стоимостью 200 руб. К сбору предметов он привлекал местное население, которое активно жертвовало немалые средства. Так, значительная часть коллекции была приобретена благодаря средствам, выделенным местными якутами Егором Чудиновым (193 руб.) и Н. Катаевым (75 руб.) [Мельникова, 2001, с. 123]. О своем сборе коллекции Шимкевич пишет следующее: «От бурейских тунгусов и якутов мною получено для музея почти полная их обстановка, причем значительную часть вещей пожелал жертвовать от себя якут Чудинов, который кроме того выписал для музея из Якутской области много своих родовых старинных вещей» [Из тайги, с. 9]. Кроме того, Егор Чудинов, узнав о недостатках средств у ПОИРГО,

¹⁰Хабаровский краеведческий музей им. Н.И. Гродекова является крупным обладателем наиболее ранних этнографических коллекций по приамурским якутам. Как известно, в формировании этнографических коллекций музея Приамурского отдела ИРГО Шимкевич принимал самое активное участие. В фондах музея в настоящее время насчитывается 149 единиц хранения, относящихся к культуре якутов, в том числе 17 фотографий, основу коллекции составляет собрание П.П. Шимкевича. Данное поступление, относящееся ко времени создания музея, считается одним из ранних этнографических собраний музея.

прислал на строительство музея в Хабаровске 500 рублей [Мельникова, 2001, с. 123].

Коллекция якутских предметов позже была описана директором музея В.К. Арсеньевым, были указаны некоторые их якутские названия. На основе изучения коллекции якутская одежда получила следующее описание: «Якутка поверх рубахи (холодная) носит «соно», зимой меховое, летом суконное или из другой материи. «Соно» украшается цветными вставками и металлическими пластинками. Иногда носят сангяха (доху). На голове высокая меховая шапка с бляхой (тусакта). Якутка любит металлические украшения, состоящие из ошейника, сюрех (креста), серег, бегок (браслета), нагрудника, который опускается на спину, пояса также с металлическими бляхами. Украшения преимущественно из серебра» [Якуты, 2017, с. 29].

Собранная Шимкевичем якутская коллекция в основном состояла из бытовых предметов (орудия труда и промыслов, детали средств передвижения, домашняя утварь, одежда и украшения и т.д.), представляющих своеобразную картину материального мира приамурских якутов. Особую группу составляли предметы, связанные с кочевым бытом и охотпромыслом (оленьи седла, наголовники, детская колыбелька, женские короба для рукоделия, охотничий манок на изюбрей и др.), которые в хозяйстве местных якутов занимали особое место. Такой необычный набор бытовых предметов ярко свидетельствует о тесных этнокультурных связях приамурских якутов с местными эвенками. Несмотря на местную среду обитания и кочевые условия быта, якуты не расставались с привычным набором хозяйственных предметов, привезенных с родных мест. В коллекции имеются бытовые вещи, относящиеся к скотоводству и коневодству: детали конской упряжи (вышитые бисером чепрак и кычым, кнут со скребком); деревянная и берестяная посуда для молочных продуктов (*айах, чорон, кенкелей, ыагайа*); характерная якутская одежда и др. Однако сегодня якутская коллекция музея остается еще не изученной, многие предметы практически не подвергались научной атрибуции, не выяснен их количественный состав, некоторые из них оформлены как тунгусские. Например, весьма интересный шаманский нагрудник, записанный еще в 1914 году в музейном каталоге «Якуты»

(ХКМ КП №2809/Э-526), обозначен как эвенкийский. Но, судя по характеру его оформления и вышитый декор из множества нашивных металлических бляшек якутской работы, нагрудник все же принадлежал якутскому шаману.

Не менее ценными в собрании Шимкевича являются его полевые фотоснимки. Во время экспедиции были проведены фотосъемки, как он сообщил, им было снято 386 фотоснимков [Из тайги, с. 9]. Часть фотографий была передана в краеведческий музей ПОИРГО в 1897 г., в том числе 17 фотографий якутов бассейна р. Буреи [Мельникова, 2001, с. 124]. Он был прекрасным фотографом, являлся членом Амурского общества любителей фотографического искусства. О его богатом фотонаследии мы можем судить лишь по небольшому количеству снимков из двух музейных фондов: во-первых, вошедших в альбом Берлинского музея, и во-вторых, десяти фотографий, хранящихся в Гродековском музее. Тематика снимков достаточно разнообразна, основным объектом являются типы приамурских якутов: женщин, детей и мужчин. В снимках хорошо показано своеобразие их быта: сцены перекочевков, навьюченный олений караван, якуты верхом на олене, портреты женщин в национальных нарядах, ребенок в тунгусской колыбели и др. Каждая из фотографий представляет особый интерес, они весьма информативны и содержательны. В своих снимках, будь то сюжетная съемка или портрет, Шимкевич особое внимание придавал передаче характерных черт якутов, пытался достичь этнографической выразительности. Для этого он одевал людей в национальные одежды, подбирал характерные атрибуты. Позирующие женщины и мужчины одеты в якутские костюмы и непременно с каким-либо якутским бытовым атрибутом: *дэйбир* из конского волоса, косойлитовкой, орудием охоты, берестяными ведерками, сшитыми конским волосом и т.п. На одной из фотографий, почему-то отнесенной к негидальцам, явно изображены якутские типы. У летней палатки, натянутой на высоком помосте, сидят трое одетых в якутские одежды: одна из женщин в белом *халадае* и темной безрукавке играет на хомусе [Völker..., 1989, с. 51]. Возможно, снимок был сделан во время визита в негидальские поселения. Как известно, якуты с этой группой кочевников тесно контактировали.

Рис. 1. Семья купца Павлова. 1894 г. Фото П.П. Шимкевича [Völker zwischen..., 1989]

Особый интерес представляет семейная фотография богатого купца Павлова, того самого состоятельного якутского торговца, который оказал финансовую и практическую помощь в работе экспедиции Шимкевича (рис. 1).

На переднем плане чинно сидят сам Павлов и три дамы. Члены семьи одеты в дорожную нарядную одежду. Сам Павлов, худощавый мужчина лет шестидесяти, в темном шелковом кафтане, на груди висит орден на ленте, а также другой нагрудный знак. На голове картуз с твердым козырьком, на ногах легкие замшевые торбазы. Дамы также одеты парадно, на них длинные пальто, сшитые в якутском стиле. На головах надеты модные фетровые шляпы. Дети, стоящие сзади: мальчики в матросках и картузах, девочки также в фетровых шляпках, одна в якутском, другая в покупном платье. Об этой семье Шимкевич пишет следующее: «Тимофей Павлов имеет дом на Ниманском собрании, ходит на Сулук, Урмин, Хабаровск, Биру и Бурею; в Якутскую область не ездит, занимается перепродажей пушнины» [Шимкевич, 1895, с. 8].

Якутская серия фотографий, хранящаяся в Хабаровском музее, когда-то, видимо, представляла собой отдельный альбом, фотографии приклеены на картонные паспарту. На обороте каждой фотографии имеется фирменная наклейка отдела этнографии музея ПОИРГО с надписью

«Амурская область – Бассейн Буреи – Якуты», также собственноручные подписи автора. На некоторых фотографиях имеются интересные записи. Например, на одной из них: «Чудинов с женою, по рождению русской, забывшей во время продолжительного пребывания в тайге русский язык и говорящей только по-якутски и тунгуски». Как известно, Егор Чудинов также пожертвовал музею Приамурского отдела РГО много своих родовых вещей, приготовил 7 шкур домашних, вьючных и ездовых оленей [Шульгина, 1989, с. 98].

Шимкевич в 1896 г. во время творческой командировки в Европу, близко знакомится с видным немецким ученым Адольфом Бастианом, устанавливает тесную связь с основанным им Королевским этнографическим музеем, где в отдел Восточной Азии передает коллекцию своих полевых фотографий в количестве 650 снимков. Как известно, в ту пору в Европе подобного рода фотоснимки вызывали большой интерес. В 1920 г. Финдайзен хотел их опубликовать, но из-за финансовых затруднений идея не была осуществлена. В 1930 г. Бесслерский архив опубликовал несколько снимков, однако значительная часть пострадала во время Второй мировой войны, – пишут составители немецкого фотоальбома [Volker..., 1989, с. 2]. В настоящее время судьба осталь-

Рис. 2. Летняя школа в тайге. 1894 г. Фото П.П. Шимкевича. ХКМ ВХ 399/101

ных фотографий Шимкевича нам не известна. Возможно, какая-то часть еще находится в Берлинском музее, также некоторые копии могут храниться в российских музеях.

Первая инородческая школа

Якутские купцы и их окружение занимали особую роль в общественной жизни местного населения. Хотя якутские предприниматели жили интересами своей торговли, они были людьми прогрессивных взглядов, их благотворительная деятельность по отношению к местным инородцам была широко известна. На свои средства они строили первые на территории церкви и часовни. С именами якутских торговцев были связаны первые шаги народного образования среди местных инородцев на севере Приамурья. Шимкевич во время своей поездки в верховьях Нимана застал работу летней школы для якутских и тунгусских детей, которую содержал Тимофей Павлов, один из известных якутских купцов (рис. 2).

В своей статье Шимкевич пишет: «Жена Павлова якутка, очень хорошо говорит по-русски и содержит в тайге школу и при ней учителя; при посещении моем дважды этой школы, раз в берестяной юрте, второй раз на Ниманском собрании, я застал трех девочек якутов и тунгузок и 8 мальчиков, усердно изучавших русский язык, при чем сама Павлова принимала деятельное участие в обучении детей; закон Божий пре-

подавал священник-миссионер, наезжавший раз в неделю с приисков» [Шимкевич, 1895, с. 6]. Сохранился весьма ценный снимок, сделанный им во время посещения этой школы.

На обороте Шимкевичем написано: «... [неразборчиво, видимо, урок. – А.С.] русского языка в бассейне р. Буреи. На рисунке изображены занятия мальчиков и девушек тунгусов и якутов, разместившихся внутри юрты; учитель и учительница (жена состоятельного якута Павлова, содержащая школу, стоят сбоку). Обучение проходит ежегодно в летнее время на ... Приисков Ниманской золотопромышленной компании» [ХКМ, ВХ 399/101]. На фотографии дети сидят на земле полукругом за небольшим низким столиком, покрытым белой скатертью. Мальчик, сидящий в середине полукруга, читает вслух, остальные дети внимательно слушают. Учитель сидит рядом с детьми и следит за чтением ученика. Хозяйка школы стоит в сторонке и наблюдает за ходом урока. Это частное домашнее обучение местных детей было началом, заложившим основу появления здесь первой школы для детей инородцев.

Активным сторонником и последователем идеи просвещения детей инородцев, открывшим первую местную школу, был Афанасий Никитович Жирков – один из известных людей Ниманского инородческого собрания. Будучи образованным представителем новой волны

якутских торговцев, он был весьма деятельным и влиятельным лицом в торговых и золотопромышленных кругах Приамурья. В 1901 г. он обращается к исправнику округа с письмом-прошением о том, чтоб ему разрешили открыть школу в Ченхое. Как человек состоятельный и прогрессивных взглядов А.Н. Жирков все расходы школьного дела инородцев берет на себя. Так, благодаря его усилиям на следующий год была открыта частная школа с пансионатом. Он вложил немало средств в постройку здания школы и ее содержание. Было построено не только школьное здание, но и пансионат для детей, дом для учителя, баня, хозяйственные строения, разбит сад и огород. Школа обеспечена необходимым инвентарем, учебными пособиями, хорошей библиотекой, музыкальными инструментами. Дети инородцев были в его непосредственном попечении. Об открытии в глухой амурской тайге школы как о весьма необычном событии сообщали тогда в своих хрониках многие сибирские газеты. В одном из номеров «Сибирской жизни» за 1903 год читаем: «В Ченхое, на Нимане, в апреле прошлого года устроена известным золотопромышленником якутом Жирковым школа с интернатом для обучения якутских и тунгусских детей. Затратил на это дело г. Жирков, как нам передают, до шести тысяч рублей. В школе в настоящее время 19 человек, из коих 15 инородцев. Благодаря совместной жизни, дети инородцы очень скоро овладели русским языком, а в течение шести месяцев научились и русской грамоте. Весной, в мае месяце, г. Жирков предполагает устроить для питомцев своей школы экскурсию в Благовещенск, Хабаровск и Владивосток. На это ассигнует он, как нам передают, 1000 руб.» [Сибирская жизнь, с. 4].

В 1904 г. школу решили перевезти в Чекунду, в наиболее заселенную инородцами местность. Здесь было построено новое здание школы. Первым учителем в этой школе была Анна Александровна Сокульская – жена А.Н. Жиркова. Но вскоре из-за финансовых затруднений в делах Жиркова он вынужден был передать школу в Министерство просвещения. А.Н. Жирков как меценат за активную просветительскую деятельность был награжден серебряной медалью «За усердие» на Станиславской ленте. После переезда в г. Благовещенск он не прерывал сво-

его попечительства над выпускниками своей школы – учащимися городских гимназий. А.А. Сокульская устроилась преподавателем Алексеевской женской гимназии (1913 г.). Так, благодаря финансовой поддержке якутских купцов еще до революции дети местных якутов и эвенков смогли учиться в гимназии г. Благовещенска [Саввинов, 2013, с. 62].

Итак, исследования Петра Шимкевича, занимающие особое место в изучении Приамурья, содержат немало ценных сведений о якутах, неразрывно связанных с историей края и внесших определенный вклад в его развитие. Собранные им материалы приводят малоизвестные факты об их расселении, численности, торговой деятельности. Якуты имели давние тесные связи с местным населением, они оказывали благотворительную помощь, привнесли в тайгу оседлую жизнь, немало сделали в деле просвещения, строили церкви и часовни. Работа Петра Шимкевича представляет весьма ценный материал для изучения не только истории приамурских якутов и их межэтнических контактов, но и в целом давних исторических связей Якутии и Приамурского края.

Сокращения

ОГУ ОГАИО – Областное государственное учреждение. Областной государственный архив Иркутской области

ПОИРГО – Приамурский отдел Русского географического общества

ХКМ – Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова

Литература и источники

ОГУ ГАИО «О составлении новых правил обложения инородцев Забайкальской и Якутской области ясачной подати». Ф. 25. Оп. 10. Ед.хр. 1991.

Восточные окраины России. Восточная Сибирь // Живописная Россия. – СПб. – М., 1895. – Т. 12. – Ч. 1.

Грум-Гржимайло Г.Е. Описание Амурской области. – СПб., 1894. – С. 380.

Дадешикелиани К.Н. Часть Амурской области между рр. Бурею и Амгунию // Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1888. Вып. 32. – С. 234–286.

Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока XVII–XX вв. – СПб., Наука, 1994. – 159 с.

Захаров В.П. Пушной промысел и торговля в Якутии (XVIII – начало XX вв.). – Новосибирск, 1995. – 135 с.

Захаров В.П. Зарождение предпринимательства // Мегино-Кангаласский улус. История. Культура. Фольклор. – Якутск, Бичик, 2001. – С. 61–77.

Из тайги // Приамурские ведомости. – Хабаровск, 1894. 25 сент. – С. 9–10.

Майнов И.И. Население Якутии // Якутия. Сборник статей. – М., 2012.

Мельникова Т.В. Материалы по этнографии якутов Приамурского края в фондах Хабаровского краеведческого музея им. Н.И. Гродекова // Проблемы изучения и сохранения культурно-исторического и природного наследия Дальнего Востока. Тезисы докл. науч.-практич. конф., посвящ. 105-летию Амурского областного краеведческого музея. Ч.2. – Благовещенск, 1996. – С. 69–72.

Мельникова Т.В. Чиновник особых поручений // Записки Гродековского музея. Вып. 2: История России на дальневосточных рубежах. – Хабаровск: Хабаровский краеведческий музей, 2001. – С. 118–129.

Миддендорф А.Ф. Путешествие на север и восток Сибири. – СПб., 1860–1878. – Ч. 1–2.

Павловский А. Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку: (Якуты и тунгусы. Семейный и экономический материальный быт) // Зап. СОРГО. – 1863. – кн.6, отд.1. – С. 1–23.

Патканов С. Опыт географии статистики тунгусских племен Сибири на основании переписи населения 1897 года и других источников. – СПб., 1906. – Ч. 1. «Собственно тунгусские племена».

Попов А.А. Якутские записки А.Ф. Миддендорфа // Тюркологический сборник. – М.–Л., 1951. – №1. – 155–163.

Саввинов А.И. Приамурские якуты // Чолбон. – 2013. – № 11. – С. 176–181.

Шимкевич П. Иностранцы Амурского края // Приамурские ведомости. – 1894, №15, 10 апр. – С.11–12.

Шимкевич П.П. Современное состояние иностранцев Амурской области и бассейна Амгуни // Приамурские ведомости. – 1895, 12 марта, Приложение к № 63.

Шульгина Т.С. П.П. Шимкевич // Русские исследователи культуры и быта малых народов Амура и Сахалина (конец XIX – нач. XX в.). – Владивосток, 1989. – С. 95–106.

Якуты. Каталог коллекции из собрания ХКМ им. Н.И. Гродекова. – Хабаровск, 2017. – С. 107.

Шренк Л. Об иностранцах Амурского края. Т. 1. – СПб., 1883. – С. 183.

Якутская школа // Сибирская жизнь. – 1903. – № 43.

Völker zwischen Baikal und Pazifik. Fotos von Piotr P.Simkevich um 1895. Museum für Völkerkunde. Staatliche Museen Preußischer Kulturbesitz. – Berlin, 1989.

A.I. Savvinov

The Amur Yakuts in the Materials of Peter Shimkevich: the Formation History of Ethnic and Territorial Groups in the Amur Region

The article is devoted to the activities of P.P. Shimkevich. He was one of the famous researchers of culture, religion and life of the natives of the Far East at the end of the 19th century. His works, as an outstanding researcher, ethnographer, collector, are devoted to the little-explored area of study of the indigenous population of the Far Eastern region. He also penned a thorough study of the life and economic situation of the Yakuts who lived in the Amur region. For the first time he collected the most detailed information about their settlement, about the role and importance of the Yakut trade in this region. He managed to get acquainted with the activities of the Yakut merchants, study the Yakut market, assess the state and features of its development. In his article, Shimkevich also touched upon the charitable and educational activities of Yakut merchants, who devoted a lot of efforts to enlightening local foreigners. An important result of his expeditionary activities are the museum collection of Yakut items and a series of photographs collected by him among the Yakuts settled in the basin of the Bureya and Nimana rivers. In general, the research materials of P.P. Shimkevich, containing valuable information about the Yakut trade expansion and their territorial development of the northern outskirts of the Amur region, are undoubtedly important for the study of the history of settlement and the formation of ethno-territorial groups of Yakuts. Some of the issues raised by the researcher regarding the preservation of the indigenous population are consonant with the current urgent problems of the small peoples of the North.

Keywords: Yakuts, sub-ethnic groups, ethno-cultural borderlands, Priamurskiy krai, P.P. Shimkevich, Yakut merchants, fur trade, expedition, museum gathering, field materials